

В. А. Трусов

**СТАРООБРЯДЦЫ В СЕВЕРО-ЗАПАДНОМ КРАЕ
РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ В XIX — НАЧАЛЕ XX ВЕКА:
ПРОВОДНИКИ РУССКОЙ ИДЕИ ИЛИ РЕЛИГИОЗНЫЕ ИЗГОИ**

Балтийский федеральный университет им. И. Канта, Калининград, Россия

Поступила в редакцию 28.08.2023 г.

Принята к публикации 25.12.2023 г.

doi: 10.5922/sikbfu-2023-4-5

50

Для цитирования: Трусов В. А. Старообрядцы в Северо-Западном крае Российской империи в XIX — начале XX века: проводники русской идеи или религиозные изгои // Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта. Сер.: Гуманитарные и общественные науки. 2023. №4. С. 50 — 61. doi: 10.5922/sikbfu-2023-4-5.

Рассмотрен вопрос о месте старообрядческой общины Северо-Западного края Российской империи в процессе русификации этих земель в XIX — начале XX в. Для достижения цели исследования решены следующие задачи: сделан исторический обзор становления общины в Великом княжестве Литовском; дана характеристика существованию старообрядческой общины края в составе Российской империи; рассмотрены обстоятельства расселения представителей общины на территории Северо-Западного края; приведена динамика изменения численности этой общины. Религиозные особенности этноконфессиональной группы великоросского народа проанализированы как в региональном, так и в общегосударственном контексте. Прослежены становление и распространение «легального старообрядчества», или единоверия, а также социальная специфика старообрядческой общины Северо-Западного края. Особое внимание уделено сложным отношениям государственной власти и официальной церкви к старообрядцам Северо-Западного края. Интерес к теме связан с изучением роли и места старообрядческой общины в системе этнических и конфессиональных отношений, которые сложились в Северо-Западном крае в период его нахождения в составе Российской империи. Рассмотрена также роль общины в процессе русификации Северо-Западного края после подавления Польского восстания 1863 — 1864 гг. Трансграничные отношения старообрядцев Северо-Западного края с их единоверцами из Войновской общины Восточной Пруссии представляют также краеведческий интерес.

Ключевые слова: старообрядчество, Северо-Западный край, единоверие, русификация, конфессиональная политика, религиозная дискриминация

Автохтонным населением территорий, которые впоследствии войдут в состав Северо-Западного края (СЗК) Российской империи, можно назвать белорусов, литовцев и латгальцев (субэтническая группа латыш-

ского народа), а другие народы (евреи, караимы, татары и др.) являются переселенцами разного времени. Становление польской этнической общности в СЗК представляет собой процесс, который однозначно нельзя отнести ни к первой, ни ко второй группе. Частью этой сложной национально-религиозной мозаики, сложившейся в этих землях к концу XVIII в., суждено было стать старообрядцам.

Формирование старообрядческой общины на землях будущего Северо-Западного края связано с переселением старообрядцев в пределы Великого княжества Литовского (часть Речи Посполитой), стартовавшим в последней трети XVII в., то есть с началом церковного раскола в Русском государстве. В Польско-Литовском государстве старообрядцы могли рассчитывать на религиозную терпимость со стороны властей и крупных землевладельцев. Стоит отметить, что пограничные земли Великого княжества Литовского были пристанищем для различных беглецов из Российского государства на протяжении всего XVII и XVIII вв. Старообрядческое переселение в этом контексте можно назвать одной из миграционных волн в трансграничном перемещении великоросского населения [4, с. 140–141].

На территории Великого княжества Литовского старообрядцы селились неравномерно. Большинство первых переселенцев размещались на северо-восточных и восточных землях, то есть в незначительной удаленности от границ Российского государства. Это позволяло максимально сохранять связи с единоверцами по другую сторону границы. С 1680-х гг. начинается проникновение старообрядцев в пределы этнической Литвы. Первый достоверно известный старообрядческий храм здесь был построен в 1710 г. в деревне Пуца около Кряунос (совр. Рокишский уезд) [13].

С начала XVIII в. исход русских староверов в пределы Великого княжества Литовского приобрел массовый характер. Это была реакция на социально-экономические события времен петровских преобразований, а также на суровые и нередко жестокие религиозные преследования в России первой половины XVIII в. (особенно в период царствования Анны Иоанновны) [8, с. 180]. Итогом этого движения стало возникновение крупных старообрядческих анклавов на территории Великого княжества Литовского. Самой значительной областью проживания староверов стала северо-восточная часть Великого княжества (особенно Латгалия, входившая в состав Инфлянтского воеводства). Значительным было поповское общество (так называемые *ветковцы*) на реке Сож (современная Гомельская область Белоруссии), оно было разгромлено в 1764 г. в ходе вторжения царских войск, осуществленного в рамках так называемой «выгонки» (насильственное переселение в восточные земли Российской империи ок. 14 тыс. старообрядцев). В центральных воеводствах Великого княжества Литовского проживали небольшие группы беспоповцев поморцев и филипповцев [13].

Переселенцы-старообрядцы, невзирая на свою замкнутость, неплохо принимались местными польскими землевладельцами по причине своего трудолюбия и трезвого образа жизни [4, с. 141]. Правящий класс Речи Посполитой не принимал по отношению к старообрядцам каких-либо

дискриминационных законов. Это способствовало численному росту общины, ее распространению по территории Великого княжества Литовского, а также росту благосостояния членов общины.

Численность общины, то подсчетам Г.П. Потапенко, в 1791 г. в Великом княжестве Литовском составляла от 100 до 180 тыс. чел., то есть от 3 до 5 % всего населения Великого княжества (все население по данным переписи составило 3 млн 600 тыс. чел.) [13].

Из-за преследований сторонников старых религиозных обрядов в России именно в землях Речи Посполитой появлялись крупные центры, которые оказывали влияние на духовную жизнь единоверцев в России. Одним из таких центров стала уже упомянутая община на острове Ветка, крупнейшая на юго-востоке Великого княжества. На становление идеологии федосеевского толка беспоповства большое влияние оказала деятельность Гудишской обители (1728–1755 гг.) около нынешнего города Игналина (позже этот центр был перенесен в обитель Дегучай около совр. г. Зарасая) [8, с. 252].

В результате трех разделов Речи Посполитой (1772–1795) практически все земли бывшего Великого княжества Литовского стали частью Российской империи и вошли в состав Северо-Западного края [9, с. 4]. Присоединение СЗК к России значительно усложнило жизнь старообрядцев, так как община оказалась объектом дискриминационного законодательства на территории всей империи. Уже в начале 1820-х гг. правительство Александра I вступило на путь запрещения «публичных проявлений раскола» [2].

Под «публичными проявлениями раскола» следует понимать категорический запрет на переход в старообрядчество из официальной церкви. Проведение богослужений разрешалось только в церковных зданиях, без проявления веры вне их стен; было запрещено строительство новых культовых сооружений (церквей, молелен, часовен). Духовенство и монашество старообрядцев не признавалось в качестве особого сословия; не признавались браки, заключенные в старообрядческих храмах. Категорически запрещалась печать «раскольничьей» литературы и богослужебных текстов дониконовского образца. Таким образом, российское законодательство позволяло старообрядцам лишь внутреннюю «свободу веры», закрытую от посторонних глаз [2].

Однако, невзирая на религиозную дискриминацию старообрядцев, их миграция в СЗК продолжилась и после присоединения этих земель к Российской империи (в 1820–1830-х гг.) [4, с. 142]. Это было обусловлено слабостью позиций Православной церкви на этих землях, так как численный и материальный перевес здесь был на стороне Римско-католической и Униатской церквей.

В это время происходит дальнейшее распространение старообрядческих общин по территории СЗК, которые, достигнув естественных границ края, начинают с 1820-х гг. переселяться в пределы Царства Польского и Восточной Пруссии (так началось формирование Войновской общины в Мазурии).

Царствование Николая I охарактеризовалось новыми ограничениями тех незначительных гражданских и религиозных прав старо-

обрядцев, которые они получили во время правления Екатерины II и Александра I. Можно сказать, что конфессиональная политика нового императора была направлена на «полное искоренение раскола». Элементами этой политики стали административные закрытия храмов, молелен, часовен, скитов, конфискация богослужебных предметов, икон, книг, запрет на ведение метрических книг, аресты и ссылки руководителей старообрядческих общин и простых верующих. Например, в Ковенской и Виленских губерниях в это время были закрыты 13 из 33 действующих старообрядческих храмов, восемь из них впоследствии разрушены [2].

Нормативные акты 1846–1847 гг. запрещали староверам приобретать недвижимость и землю, вступать в купеческие гильдии, избираться на общественные должности. Многие старообрядческие поселения были отданы под полицейский надзор. По мнению А. Ю. Бендина, правовые нормы, принятые во времена правления Николая I, вывели общины старообрядцев-великороссов за пределы правового института веротерпимости [3, с. 81].

Стоит отметить, что жесткость правительственных мер по отношению к старообрядцам СЗК значительно нивелировалась взвешенной позицией Виленского митрополита Иосифа (Семашко), который был противником насильственных действий в отношении представителей других конфессий. Он ссылался на малую эффективность притеснений, а в 1850–1860-х гг. даже допускал использование старообрядцев в интересах «русского дела» [4, с. 148].

Еще одной причиной дискриминации и преследования в годы правления Николая I стало уклонение части старообрядцев-беспоповцев от официальной регистрации браков и рождения детей в метрических книгах. Кроме того, многие беспоповцы отказывались возносить «молитвы за государя» [3, с. 82]. Эти обстоятельства приводят к уходу в 1820–1830-х гг. части старообрядцев Режецкого уезда Витебской губернии в пределы Восточной Пруссии, где за ними закрепилось название *филиппоны* [10, с. 117].

По результатам VIII ревизии (1834 г.) в СЗК было зафиксировано 79 тыс. старообрядцев, что составило почти 80 % всего великоросского населения этих земель. Однако к своим великоросским подданным старообрядческого исповедания Российское государство проявляло религиозную нетерпимость. Имперское законодательство ставило старообрядцев в правовом положении ниже, чем лиц нехристианского исповедания, таких как мусульман, буддистов-ламаистов и даже иудеев. При этом положение представителей «иностранных» христианских конфессий (римских католиков, лютеран, англикан и др.) было на несколько порядков выше, чем у «природных россиян» – старообрядцев [2].

Осознание того, что старообрядчество в СЗК является «главным представителем» великоросской народности, ставило правящий класс в неоднозначное положение. Необходимость опереться и использовать великороссов-старообрядцев в качестве лояльных подданных предполагала положительное изменение политики по отношению к этой общине. В конце правления Николая I ситуация стала меняться к лучшему.

В апреле 1850 г. для поощрения переселения русских купцов в города СЗК было разрешено старообрядцам-поповцам записываться в городское сословие соответствующих губерний [4, с. 151].

Но более пристальное внимание Российское государство обращает на своих подданных старообрядческого исповедания только в момент испытания для российского суверенитета в СЗК в связи с польским восстанием 1863—1864 гг. Как это произошло? После начала восстания для властей встал вопрос о группах населения, которые могли бы выступить опорой для государства в СЗК в качестве противовеса мощной «польской идее», которую разделяли местные землевладельцы (94 % из них были католиками), католическое духовенство и чиновники римско-католического исповедания [6, с. 293]. Великодержавное население СЗК составляло менее 5 % населения. Белорусы СЗК, даже православного исповедания, еще не до конца вписывались в выстраиваемую официальную концепцию «триединого русского народа» [14, с. 235]. В этот сложный момент российские власти в СЗК обнаружили неожиданных союзников в лице старообрядцев, которые не поддержали восставших поляков и деятельно показали свою лояльность российскому правительству. Так, в апреле 1863 г. крестьяне-старообрядцы помогли правительственным войскам предотвратить захват повстанцами крепости Динабург (Двинск, совр. Даугавпилс) [6, с. 243]. Во многих уездах старообрядцы организовывали милиционные отряды для поддержания правопорядка и противодействия небольшим отрядам повстанцев. В письме к Александру II старообрядцы Динабургского уезда Витебской губернии заверяли государя в своей преданности даже до самой смерти «Хотя мы имеем жительство и близ польских краев, но мы, Государь, твои дети, и дух наш существует в России, за благоустройство которой прародители наши и деды проливали кровь свою, желая учинить в ней спокойствие и тишину... Почему мы скорее согласимся расстаться с своей жизнью, нежели променять своего державного царя на какое-нибудь неизвестное правительство» (цит. по: [1, с. 277—278]). Это позволило императору скорректировать свои взгляды на социально-экономическое положение старообрядцев. В это время изменилась и терминология официальной документации, где вместо негативного наименования «раскольники» начало использоваться более нейтральное — «старообрядцы».

Виленский генерал-губернатор М. Н. Муравьев неоднократно говорил, что старообрядцы «более других сохраняют русскую народность» и «неизменно преданы правительству» (цит. по: [6, с. 244]). Администрация принимала меры по защите старообрядцев-крестьян от произвола помещиков польского происхождения (циркуляр от 17 июня 1863 г.). В смешанных селениях, где старообрядцы проживали совместно с католиками, они были допущены к выборам в сельское самоуправление вплоть до должности старшины. Но в селениях, где они проживали совместно с представителями официальной Православной церкви, такая возможность не допускалась.

В 1864 г. М. Н. Муравьев приветствовал старообрядцев СЗК как оплот «русской цивилизации» «среди всепобедившего влияния полонизма» (цит. по: [4, с. 152]). Кроме того, виленский генерал-губернатор положительно оценивал перспективу массового переселения старообрядцев в СЗК.

С другой стороны, виленская администрация не реагировала на ходатайства старообрядцев об отмене ограничений и запретов на публичное исповедание своей веры и совершение обрядов. Эти действия уже могли рассматриваться как «раскольничья пропаганда» и «сворачивание» православных. Так, М. Н. Муравьев отклонял просьбы старообрядческих обществ о строительстве новых и починке старых молитвенных зданий. А в 1865 г. он поддержал обер-прокурора Синода А. П. Ахматова в его действиях по произведению следствия по делу «о новых свращениях православных в раскол» в Витебской губернии и закрытии новых часовен [6, с. 244].

В конце 1860-х гг. необходимость старообрядческих обществ в борьбе с польским сепаратизмом уже не была так актуальна, и вопрос о переселении старообрядцев в СЗК потерял остроту. Однако в 1867 г. в Министерство внутренних дел поступило прошение от старообрядцев, проживавших в прусской Мазурии, с просьбой о переселении в Ковенскую губернию. В конце концов, разрешения на это войновские старообрядцы так и не получили [4, с. 158].

Некоторое послабление в правовом положении старообрядцев наметилось в годы правления Александра III. Согласно закону о старообрядцах от 3 мая 1883 г. они были наделены рядом гражданских прав: заниматься промышленностью и торговлей, получать паспорта на общих основаниях; с разрешения обер-прокурора Синода и Министерства внутренних дел строили новые культовые сооружения (без возведения колоколен) [8, с. 197]. Однако многие начинания не могли быть реализованы ввиду охранительной позиции «всемогущего» обер-прокурора Синода К. П. Победоносцева.

Настоящий «золотой век» старообрядцев СЗК и всей Российской империи начался только с Высочайшего указа «Об укреплении начал веротерпимости», который был подписан Николаем II 17 апреля 1905 г. Старообрядцы впервые в своей истории получили легальный статус религиозных организаций. Многие общины приобрели возможность «распечатать» свои молельни и храмы (некоторые из них простояли закрытыми с николаевских времен). У староверческих общин появилась возможность в законном порядке решать вопросы о возвращении конфискованной у них собственности, утвари, икон, богослужебных книг. В новых правовых условиях содействие старообрядцам начали оказывать Департамент общих дел МВД и администрации СЗК. Стали открываться легальные типографии, школы, духовные училища, созывались соборы и съезды, издавались богослужебные книги, церковные журналы и газеты [15, с. 183–186]. Даже активное участие старообрядцев СЗК в черносотенном движении начала XX в. можно интерпретировать как проявление лояльности государственному режиму [4, с. 163].

Далее следует охарактеризовать *рост численности старообрядцев СЗК и их размещение*. Как отмечалось выше, основными местами проживания старообрядцев в пределах бывшего Великого княжества Литовского были его восточные земли. Это облегчало контакты старообрядцев России с единоверцами, жившими за границей, в части организации духовных центров, перемещения людей, запрещенных книг и церковной утвари и т. д.

Главные центры старообрядчества СЗК были следующие:

– Витебская губерния (прежде всего ее северо-западный «угол», историческая Латгалия). Самая высокая плотность старообрядческого населения по переписи 1897 г. наблюдалась в Режицком уезде Витебской губернии – 23,1 % (один из самых высоких показателей в империи);

– южная часть Могилевской губернии (прежде всего Гомельский уезд), это земли бывших Ветковских обществ;

– значительная по своему влиянию община в главном городе СЗК – Вильно и его окрестностях (сложилась в начале XIX в.).

При этом Гродненская губерния была практически «свободной» от старообрядческого населения [12].

Расселение старообрядцев в губерниях СЗК в 1834–1913 гг. выглядело следующим образом (табл.).

Губерния	VIII Ревизия 1834 г.		Перепись 1897 г.		Текущий учет 1913 г.	
	тыс. чел.	% от всего населения	тыс. чел.	% от всего населения	тыс. чел.	% от всего населения
Витебская	35	4,6	83	5,6	136,6	7,3
Могилевская	13,3	1,6	23,3	1,4	42,7	1,8
Минская	7,8	0,7	15,6	0,7	20,6	0,7
Гродненская	–	–	–	–	–	–
Виленская ¹	23	1,7	25,7	1,6	30,9	1,5
Ковенская	–	–	32,9	2,1	50,6	2,9
<i>Всего</i>	79,1	1,6	181	1,8	281,4	2,2

Составлено по данным: [7, с. 200, 253, 257].

Из данных таблицы можно сделать вывод о том, невзирая на дискриминационные усилия царских властей (и саботирование многими старообрядцами учетных мероприятий), численность старообрядческого населения продолжала расти на протяжении всего рассматриваемого периода (как в абсолютных цифрах, так и в относительных показателях). Особо интенсивным был рост старообрядческого населения СЗК в 1897–1913 гг., что было связано с прекращением государственного давления на старообрядцев и уголовного преследования за переход из официальной церкви в другое исповедание. Эти положения закрепились указом «Об укреплении начал веротерпимости» от 17 апреля 1905 г. В соответствии с этим указом несколько тысяч тайных старообрядцев СЗК смогли начать легально исповедовать свою веру.

Более 90 % старообрядцев СЗК были сельскими жителями и принадлежали к крестьянскому сословию. Во время господства крепостного права большинство старообрядцев СЗК были лично свободными государственными крестьянами. Развитие старообрядческого купечества в СЗК тормозилось абсолютным доминированием евреев в купеческом сословии (до 80 %). Это положение существенно отличало старообрядцев региона от их единоверцев в Центральном промышленном районе, где московские староверы задавали серьезный тон в промышленности и торговле региона. Процент городских обывателей (мещан) среди староверов региона был существенно ниже среднего. Стоит отметить, что

¹ В 1842 г. из ее состава была выделена Ковенская губерния.

независимо от сословной принадлежности старообрядцы СЗК вели себя независимо по отношению к местным польским помещикам и экономически влиятельному еврейскому населению [3, с. 78].

Мнение о чрезвычайной замкнутости старообрядческой общины может быть поставлено под сомнение в силу того факта, что согласно Всероссийской переписи населения 1897 г. из 181 тыс. старообрядцев СЗК более 25 тыс. указали своим родным языком белорусский (14 %) и почти 400 чел. — латышский [12].

Старообрядцы СЗК, как и старообрядцы в других регионах Российской империи, выделялись *религиозной неоднородностью*. Значительная часть старообрядцев СЗК принадлежала к беспоповским толкам (направления, не признающие благодати священства после никоновской церковной реформы) и была максимально далека от господствовавшей церкви. Это представители федосеевского и поморского согласий. Среди этих беспоповцев было распространено отрицание регистрации брака, что входило в острый конфликт с государственными устоями. К середине XIX в. эти явно антигосударственные нормы стали утрачивать актуальность для старообрядцев СЗК, в том числе в связи с миграцией в Восточную Пруссию филиппонов — наиболее радикальных противников регистрации брака. Старообрядцы Виленской, Ковенской и Витебской губерний тяготели к крупному центру раскола в Риге, гомельские поповцы Могилевской губернии — к стародубским старообрядцам Черниговской губернии. Кроме того, были весьма оживленными и связи с московскими центрами [4].

Правление Николая I связано с активным продвижением идей единоверия среди старообрядцев СЗК. Единоверие, или старообрядчество в лоне официальной церкви, появилось в годы правления Павла I и представляло собой признание старообрядцами официальной православной иерархии при сохранении дониконовских обрядов. Продвижение единоверия (в том числе и при помощи административных ресурсов) вызывало в старообрядческой среде серьезную дискуссию, так называемые «споры о вере». По мнению некоторых исследователей, в единоверие перешло до $\frac{1}{4}$ всех старообрядцев (всего по переписи 1897 г. в Российской империи насчитывалось 230 тыс. единоверцев) [11, с. 296].

Особенно активно переход в единоверие протекал в одном из крупнейших центров старообрядчества СЗК — Латгалии (северо-западная часть Витебской губернии). В 1852 г. в Двинске был освящен Свято-Успенский единоверческий храм, построенный по заказу местных купцов-старообрядцев [11, с. 214—215]. Появились и другие приходы единоверцев в Латгалии: к концу XIX в. их уже было семь, объединенных в один благочиннический округ.

Также необходимо кратко охарактеризовать староверов в Восточной Пруссии. Как упоминалось выше, к организации Войновской общины 1820—1830-х гг. в этой германской провинции оказались причастны несколько десятков семей непримиримых беспоповцев-филиппонов, выходцев из Витебской губернии (другой частью были федосеевцы, выходцы из Царства Польского).

В 1860 г. в Иоганнисбурге (совр. Пиш, Польша) игумен Павел (Леднев), известный как Павел Прусский, основал Славянскую типографию,

которая была предназначена для издания необходимой богослужебной литературы, а также полемических сочинений по проблеме брака [8, с. 308–309].

В 1863 г. владельцем типографии стал близкий Павлу Прусскому Константин Голубов. В 1860–1868 гг. в иоганнисбургской типографии было выпущено 19 книг и брошюр, 5 номеров газеты «Истина» и 4 номера журнала с тем же названием. Также печаталась религиозная и дидактическая литература [5, с. 130–134]. Невзирая на небольшие возможности типографии, ее роль в распространении старообрядческой литературы в пределах Российской империи была значительной. Выше подчеркивался запрет на печать старообрядческой литературы и периодики, действовавший в России до 1905 г. География распространения изданий типографии простиралась от СЗК до Среднего Поволжья. Старообрядческая печатная продукция попадала в пределы Российской империи через нелегальные каналы, которые наладили старообрядцы по обе стороны границы.

Старообрядческий монастырь в Войново (до 1884 г. — мужской, а с 1885 г. — женский) на протяжении нескольких десятилетий был школой благочестия для многих старообрядцев (в том числе будущих лидеров общин) как СЗК, так и других регионов Российской империи. Даже представители именитых старообрядческих фамилий Преображенского кладбища Москвы направляли своих детей в этот авторитетный религиозный центр [10].

Большой интерес представляет личность уже упомянутого Павла Прусского. Он, будучи харизматичным лидером мазурской общины, в ходе серьезных духовных исканий перешел на позиции единоверия, после чего переселился в Россию и стал одним из популяризаторов этого согласия в пределах империи. Миссионерские труды Павла Прусского привели к обращению в единоверие нескольких сотен старообрядцев Восточной Пруссии (более 200 чел. в 1870-х гг. и 182 чел. в 1885 г.). Часть этих единоверцев переселилась в Варшавскую губернию, а другая часть изучала вопрос о переселении в Оренбургскую и Самарскую губернии (к сожалению, переселение так и не состоялось) [5, с. 141–142].

В заключение следует отметить, что старообрядцев СЗК можно отнести к старожильческому населению края. История данной общины началась за 100–150 лет до вхождения этих земель в состав Российской империи. За эти годы старообрядческая община стала неотъемлемой частью сложной системы межконфессиональных и межнациональных отношений края.

Вхождение земель СЗК в состав Российской империи привело к сильному религиозному давлению на старообрядцев, с чем ранее, то есть во времена иноэтнического Польско-Литовского владычества, община не сталкивалась. Заигрывания правящей российской элиты со старообрядцами СЗК были вызваны безвыходной ситуацией, связанной с отсутствием надежной социальной и этнической опоры во время польского восстания 1863–1864 гг.

Старообрядческая община СЗК безусловно могла стать хорошим проводником «русской идеи» в крае по причине ее повсеместного

(кроме Гродненской губернии) проживания. Однако позиция государственной власти по отношению к оппонентам официальной церкви не позволяла использовать потенциал людей, которые деятельно засвидетельствовали свою лояльность Российскому государству в ходе восстания 1863—1864 гг.

Специфика религиозных процессов внутри старообрядческой общины также позволяла государству рассматривать старообрядческие общины СЗК в качестве надежных партнеров в иноэтническом и иноконфессиональном окружении края. С одной стороны, самые радикальные оппоненты государственной церкви и власти покинули пределы Российской империи (так было положено начало Войновской общине старообрядцев Восточной Пруссии). С другой — основная масса представителей общины со второй половины XIX в. начала отходить от радикальных взглядов на регистрацию брака и рекрутскую повинность. Кроме того, в СЗК получила развитие единоверие как форма «официального старообрядчества», абсолютно лояльного не только Российскому государству, но и официальной церкви.

Совокупность указанных фактов открывала возможности для сотрудничества Российского государства и старообрядческой общины в деле распространения «русской идеи» в крае. Однако самобытность и самостоятельность старообрядцев СЗК выглядели для властей привлекательными лишь в рамках укрощения польского сепаратизма, поэтому потенциал этого сотрудничества остался нереализованным.

Список литературы

1. Бендин А. Ю. Михаил Муравьев-Виленский. М., 2017.
2. Бендин А. Ю. Старообрядцы Северо-Западного края: религиозные изгои, преданные России // Западная Русь. URL: <https://zapadrus.su/zaprus/ist-bl/1695-staroobryadtsy-severo-zapadnogo-kraya-religioznye-izgoi-predannye-rossii.html> (дата обращения: 20.08.2023).
3. Бендин А. Ю. Польский мятеж 1863 г. в судьбах старообрядцев Северо-Западного края Российской империи // Вестник РУДН. Сер.: История России. 2011. №1. С. 77—92.
4. Горизонтов Л. Е. Раскольничий клин. Польский вопрос и старообрядцы в имперской стратегии // Славянский альманах. 1997. М., 1998. С. 140—167.
5. Иванец Э. Из истории старообрядчества на польских землях: XVII—XX вв. М., 2019.
6. Западные окраины Российской империи. М., 2006.
7. Кабузан В. М. Распространение православия и других конфессий в России в XVIII — начале XX в. (1719—1917 гг.). М., 2008.
8. Кожурин К. Я. Повседневная жизнь старообрядцев. М., 2017.
9. Комзолова А. А. Политика самодержавия в Северо-Западном крае в эпоху Великих реформ. М., 2005.
10. Ожеховска И., Потехина Е. Мазурские староверы. История и современные исследования // Мир русского слова. 2017. №1. С. 114—120.
11. Палкин А. С. Единоверие в середине XVIII — начале XX в.: общероссийский контекст и региональная специфика. Екатеринбург, 2016.

12. *Первая* всеобщая перепись населения Российской Империи 1897 г. // Приложение к *Демоскоп Weekly*. URL: https://www.demoscope.ru/weekly/ssp/rus_rel_97.php (дата обращения: 20.08.2023).

13. *Потащенко Г. П.* Русские старообрядцы в Великом княжестве Литовском: становление древлеправославной традиции // *Мир истории*. 2002. №4. URL: <http://www.historia.ru/archive.htm> (дата обращения: 20.08.2023).

14. *Сталюнас Д.* Польша или Русь? Литва в составе Российской империи. М., 2022.

15. *Урушев Д. А.* История русского старообрядчества. М., 2015.

Об авторе

Вадим Александрович Трусов — асп., Балтийский федеральный университет им. И. Канта, Калининград, Россия.

E-mail: trusovv77@mail.ru

V. A. Trusov

OLD BELIEVERS IN THE NORTHWESTERN KRAI OF THE RUSSIAN EMPIRE IN THE 19TH — EARLY 20TH CENTURY: GUIDES OF THE RUSSIAN IDEA OR RELIGIOUS OUTCASTS

Immanuel Kant Baltic Federal University, Kaliningrad, Russia

Received 28 August 2023

Accepted 25 December 2023

doi: 10.5922/sikbfu-2023-4-5

To cite this article: Trusov V. A. 2023, Old Believers in the Northwestern krai of the Russian empire in the 19th — early 20th century: guides of the Russian idea or religious outcasts, *Vestnik of Immanuel Kant Baltic Federal University. Series: Humanities and social science*, №4. P. 50—61. doi: 10.5922/sikbfu-2023-4-5.

The article examines the issue of the place of the Old Believer community in the Northwestern region of the Russian Empire during the process of Russification in the 19th to early 20th centuries. To achieve the research goal, the following tasks were addressed: a historical overview of the formation of the community in the Grand Duchy of Lithuania was provided, a characterization of the existence of the Old Believer community in the region within the Russian Empire was given, circumstances of the settlement of the community members in the Northwestern region were discussed, and the dynamics of changes in the community's population were outlined. The religious peculiarities of the ethno-confessional group of the Great Russian people were analyzed both regionally and in the broader imperial context. The development and spread of "legal Old Belief" or "Edinoverie" and the social specifics of the Old Believer community in the Northwestern region were examined. Special attention was given to the complex relations between the state authorities and the official church with the Old Believers in the Northwestern region. The interest in this topic is linked to the study of the role and place of the Old Believer community in the system of ethnic and religious relations that developed in the Northwestern region during its incorporation into the Russian Empire. The role of the community in the process of Russification of the Northwestern region after the suppression of the Polish uprising

of 1863 – 1864 was also explored. The cross-border relations between the Old Believers of the Northwestern region and their coreligionists from the Woinowo community in East Prussia are of regional historical interest.

Keywords: Old Believers, Northwestern krai, Edinoverie, Russification, confessional policy, religious discrimination

The author

Vadim A. Trusov, PhD Student, Immanuel Kant Baltic Federal University, Kaliningrad, Russia.

E-mail: trusovv77@mail.ru